

На следующий день, когда Вэй Циншань отправился в горы, солнце уже стояло высоко. Линь Юй, сидя во дворе, штопал его одежду. Вещи, которые он постирал вчера, уже высохли. Кривые и неаккуратные швы, которые были прежде, он распорол и заново сшил, теперь всё выглядело гораздо лучше.

Одежду, которая стала мала Вэй Циншаню, Линь Юй переделал для себя, сделав из неё короткий халат. А те вещи, которые уже совсем нельзя было носить, он оставил, чтобы потом использовать для укрепления обуви.

Весь день он занимался этими делами. А после полудня к нему неожиданно заявила Ся Хэуа. Она с утра видела, как Вэй Циншань ушёл в горы. Ведь они прожили вместе несколько лет, и она хорошо знала — если Вэй Циншань ушёл в лес, он редко возвращался с пустыми руками.

С тех пор как Вэй Циншань отделился от их семьи, вся работа на полях легла на плечи Вэй Эра. Даже ей самой теперь приходилось работать — это было просто невыносимо!

Раньше, пока Вэй Циншань жил с ними, в доме никогда не переводилось мясо. Она постоянно ела то фазана, то кролика, а порой даже приносила дичь в родительский дом, чтобы похвастаться перед роднёй. Каждый раз, возвращаясь туда, она чувствовала себя очень гордой.

Но теперь, после раздела семьи, Вэй Циншань не только больше не помогал им с работой, но и не приносил мяса. Целыми месяцами они не могли съесть ни кусочка.

Все деньги в доме были в руках этой старой ведьмы (свекрови), и даже если ей хотелось мяса, у неё не было лишнего медяка, чтобы его купить.

А сейчас, раз уж Вэй Циншаня нет дома, а Линь Юй остался один, почему бы этим не воспользоваться? Новый фулан Вэй Циншаня выглядел слабым и забитым — она не верила, что не сможет с ним справиться.

Поэтому она пришла, чтобы посмотреть, нет ли в доме чего-нибудь вкусного, и если найдёт — просто заберёт себе. Хоть раз поесть мяса!

“Гээр Юй, ты дома? Один?”

Линь Юй отложил шитьё и встал. Появление Ся Хэуа было для него неожиданностью и он не знал, как к ней обращаться.

По старшинству она приходилась ему младшей невесткой, но Вэй Циншань ясно сказал: он полностью разорвал связь с семьёй Вэй Эра. Если кто-то из них заявится, Линь Юй должен взять метлу и выгнать их вон.

Линь Юй был мягким по характеру и взять метлу, чтобы прямо выгнать человека, он просто не мог. Но в глубине души он думал: а что, если попробовать? Если набраться смелости, можно ведь выгнать её...

Однако на деле он так и не осмелился. Только спросил: “Вам что-то нужно?”

“Да ничего особенного”, — улыбнулась Ся Хэуа: “Вы с Циншанем уже какое-то время женаты, мы ведь одна семья. Вот я и зашла поведать”.

В голове у Линь Юя тут же промелькнула мысль: какая ещё семья?

Когда он никак не отреагировал, на лице Ся Хэуа появилось замешательство, но она тут же взяла себя в руки:

“Делай, что делал, а я посмотрю, может, чем-то помочь”.

Она знала, что Вэй Циншань обычно держал добычу во дворе, поэтому, не дожидаясь ответа, направилась туда.

Линь Юй поспешил следом: “Нет, не надо... мне помощь не нужна”.

Говорил он с запинкой, но твёрдо знал — Ся Хэуа пришла сюда не с добрыми намерениями. Он хотел, чтобы она как можно скорее ушла.

Однако та просто отмахнулась: “Ну что ты такой чужой? Мы же одна семья!”

Линь Юй упрямо покачал головой: “Нет, не семья. Циншань так сказал”.

Разговор встревожил двух фазанов, сидевших в клетке, они затрепетали крыльями и громко закричали. Глаза Ся Хэуа тут же загорелись: вот оно как, действительно есть добыча!

Она резко оттолкнула Линь Юя и зашагала во двор.

Тот вновь преградил ей путь: “Уходите... уходите из моего дома!”

Но Ся Хэуа уже всё увидела. В клетке сидели два фазана и один кролик!

Она давно не ела мяса, сглотнула слюну, и улыбка тут же сползла с её лица.

“Гээр Юй, старая мать Вэй Циншаня хочет съесть фазана. Она велела мне взять одного. Ты же

не станешь, как невестка, отказывать своей свекрови в такой мелочи?”

Линь Юй снова покачал головой: “Не отдам”.

“Ах ты, Линь Юй!” — в голосе Ся Хэуа зазвучали злые ноты. Она думала, что этот гээр — лёгкая добыча, а он оказался упрямым!

Конечно, она видела, что Линь Юй говорит неуверенно, но он всё равно не уступал.

“Да кто ты такой?!” — всплеснула она руками: “Ты хоть знаешь, что матери Вэй Циншаня положено брать у него дичь? Это само собой разумеется! Посмотрим, что скажут люди в деревне! Они ведь сразу поймут, кто тут неправ. Если Вэй Циншань не даст даже фазана собственной матери, это называется непочтительность!”

Ся Хэуа была сильна, поэтому сразу же оттолкнула Линь Юя в сторону. Тот пошатнулся и едва не упал, а Ся Хэуа, с горящими глазами, бросилась за диким фазаном.

Ну, ушёл Вэй Циншань в горы, и что с того? Даже если он узнает, пока он вернётся, фазан уже окажется у неё в животе. Пусть старая госпожа Вэй шумит, а вся деревня смотрит. Да и вряд ли Вэй Циншань осмелится что-то сделать.

Линь Юй понял, что не может остановить Ся Хэуа, и направился во двор. А она выбрала самого большого фазана, подняла клетку и поспешила уходить — сегодня можно будет полакомиться мясом!

Но не успела Ся Хэуа выйти из заднего двора, как прямо в лицо ей прилетел веник. Линь Юй твёрдо запомнил слова Вэй Циншаня: если люди со стороны Вэй Эра появятся, нужно прогонять их веником.

Он боялся, что маленького веника не хватит, чтобы справиться с Ся Хэуа, поэтому взял большой, тот, что использовали для подметания двора. Веник был сделан из связанных вместе бамбуковых прутьев — большой, удобный, да ещё и прочный. Не страшно, если Ся Хэуа попробует сцепиться с ним.

После удара веником Линь Юй даже немного задрожал, но всё равно продолжал держать его в руках. В горах водятся волки, тигры и леопарды, и деревенские боятся заходить слишком далеко. Этих зверей Вэй Циншань добывал, рискуя жизнью. Линь Юй не мог позволить, чтобы Ся Хэуа просто так их забрала.

Ся Хэуа растерялась от внезапного удара, но, когда пришла в себя, тут же разразилась бранью:

“Линь Юй, паршивец! Ты посмел меня ударить?!”

“Положи!” — несмотря на страх, Линь Юй твёрдо поднял веник.

Он сжимал его так крепко, что руки дрожали.

Но Ся Хэуа не собиралась сдаваться и направилась к выходу с клеткой в руках. Голос Линь Юя слегка дрожал:

“Ес-если не положишь... я... я не пощажу тебя!”

“Давай! Давай! Мне интересно, что ты мне сделаешь!”

Задиристая Ся Хэуа уже выходила за ворота, но Линь Юй вновь поднял веник и изо всех сил ударил её: “Положи! Положи!”

Линь Юй был в ярости. Он думал только о том, как защитить добычу Вэй Циншаня, и бил Ся Хэуа, совсем не заботясь о технике. Ее волосы растрепались, а на лице появилось две царапины от бамбуковых прутьев.

Ся Хэуа схватилась за голову и завопила от боли, а клетка с фазаном выпала из ее рук и упала на землю.

“Линь Юй, паршивец! Да я тебя порву!” — заорала она.

Она протянула руку, пытаясь схватить Линь Юя, но тот держался на расстоянии, продолжая колотить ее большим веником. Ся Хэуа никак не могла подобраться ближе.

От ударов она взвизгивала и в конце концов не выдержала — зажав голову руками, бросилась прочь.

“Линь Юй, ты у меня еще поплатишься!” — крикнула она на бегу.

Когда она убежала, Линь Юй почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Он оперся на веник, тяжело дыша. В голове стоял звон. Лишь когда дикий фазан на земле забился, он пришел в себя.

Он поспешил проверить клетку — не разбилась ли. Если фазан сбежит, это будет катастрофа. Убедившись, что всё в порядке, он с облегчением взял клетку и отнес ее обратно во двор.

Последние несколько дней он тщательно ухаживал за двумя фазанами и кроликом, боясь, что они исхудают и их не удастся выгодно продать.

Когда Линь Юй вышел, его лицо было бледным, а руки, когда он взялся за шитье, все еще слегка дрожали. Ладони были мокрыми от пота. Он привык терпеть издевательства в доме Чжао, всегда был робким. Сегодня он решился ударить человека только потому, что был доведен до отчаяния. Даже загнанный в угол кролик может укусить.

Линь Юй вытер руки о свою одежду и тихо сказал себе: “Линь Юй, не бойся. Вэй Циншань рядом. Не бойся, не бойся...”

Он сам себя успокаивал и когда вспомнил о Вэй Циншане, страх действительно немного отступил.

*

А Ся Хэуа выбежала из дома Вэй Циншаня в таком жалком виде, что ее тут же заметили деревенские.

“Ой, Хэуа, что с тобой?” — ехидно спросила одна женщина, которая всегда была с ней не в ладах.

Ся Хэуа злобно зыркнула на нее: “Не твое дело!”

Ее волосы были растрепаны, на лице атели царапины, одежда была в беспорядке – прямо как у воровки, застигнутой на месте преступления.

Женщина хмыкнула и усмехнулась: “Что, тебя фулан Вэй Циншаня побил?”

Ся Хэуа в спешке ушла, но вскоре вся деревня уже знала, что её избил Линь Юй.

Госпожа Хэ тоже услышала об этом и поспешно отправилась домой.

“Дун, пойдём к твоему брату Циншаню, надо проверить, не обидела ли его фулана эта Ся Хэуа”.

“Что?!” — Хэ Дун вскочил: “Эта Ся Хэуа решила воспользоваться тем, что брат Циншань не дома, и затеяла ссору с гээром Юем?!”

“Вот именно! И ещё говорит, что это Линь Юй её избил! Но гээр Юй ведь слабее её, да ещё и характер мягкий. Как он мог её ударить? Явно она врёт и пытается перевернуть всё с ног на голову!”

Госпожа Хэ не видела Ся Хэуа и решила, что обвинение — просто ложь, которую та

распустила по деревне.

Хэ Дун и его мать поспешили к дому Вэй Циншаня. Услышав о случившемся, к ним присоединилась и мать Ши. В итоге обе группы пришли почти одновременно.

Когда они вошли во двор, то увидели, что Линь Юй сидит, уставившись в одну точку, и штопает одежду. Его лицо было бледным, взгляд пустым, а руки заметно дрожали. По виду было ясно, что его сильно напугали.

Госпожа Хэ сразу же подошла к нему: “Дитя, ты в порядке?”

Линь Юй покачал головой. Госпожа Хэ тут же велела сыну: “Дун, налей горячей воды”.

Хэ Дун бросился выполнять поручение.

Мать Ши тоже подошла и, увидев состояние Линь Юя, начала утешать его. В конце концов, они оставили Хэ Дуна присмотреть за ним, а сами ушли.

Оказавшись за воротами, госпожа Хэ фыркнула: “Эта Ся Хэхуа просто дрянь! Пользуется мягким характером гэра Юя, да ещё и смеет обвинять его в том, что он её ударил. У неё и стыда-то нет!”

“Вот-вот”, — поддакнула мать Ши.

А во дворе Хэ Дун, не умолкая, осуждал Ся Хэхуа.

Линь Юй выпил чашку горячей воды и почувствовал, что дрожь в теле утихла. Он хотел объясниться, но Хэ Дун так горячо обсуждал ситуацию, что не давал ему вставить ни слова.

Наконец он выдавил: “Я... это я ударил Ся Хэхуа”.

“Этот человек просто ни на что не годен! Она даже пришла прямо в дом, чтобы издеваться... Чего?! Гээр Юй, что ты сказал?!”

“Я её ударил”, — повторил Линь Юй и указал на валявшийся на земле веник: “Этим вот веником”.

“Не может быть! Ты?! Ты ударил Ся Хэхуа?! Но ведь она такая стерва, что даже старая госпожа Цянь не может с ней справиться!”

Линь Юй кивнул: “Она пыталась украсть у меня фазана, а я ударил её метлой”.

“Так ей и надо!”

Хэ Дун встал на сторону Линь Юя, твердо уверенный, что именно Ся Хэуа обидела его. Гээр Юй по натуре мягкий и пугливый, так что страшного в том, что он пару раз шлёпнул её метлой? Ничего страшного!

<http://bllate.org/book/15725/1407296>